

Двух больших упитанных кабанов мясник Дин связал ещё до рассвета. Стоило зарезать животных, как их тут же ошпарили крутым кипятком в огромном котле и соскоблили щетину. Пока кровь ещё не остыла, мясник принялся за дело, ловко орудуя широким ножом. К тому времени как совсем рассвело, туши уже разделали: оставалось только нарезать мясо и опустить в котёл.

Даже кровяную колбасу успели начинить.

Дин Тянь сразу объявил, что каждая женщина, пришедшая помочь, унесёт домой по фунту жирной грудинки и по два кругляка кровянки. Помощницы от такой новости так и просияли.

Вообще-то они вызвались помочь в столь горячую пору лишь потому, что их семьи так или иначе были обязаны второй и третьей тётушкам. Кто же знал, что за обычную услугу им перепадёт такое щедрое угощение? Работа в руках женщин закипела ещё быстрее.

Деревенские жители жирным мясом не брезговали — напротив, весной, когда запасы подходили к концу, каждый кусочек сала был на вес золота. Лишний раз сдобрить котёл сытным жиром — милое дело. К тому же Дин Тянь раздавал им в основном шпик да жирную прослойку, а постную вырезку малодушно решил приберечь для себя.

Когда же бабы увидели, что мясо с квашеной капустой кладут в котёл чуть ли не один к одному, а не так, как обычно — огромный чан кислятины и пара сиротливых кусочков сала для запаха, — они и вовсе рты разинули от изумления.

Одна из стряпух — по деревенской родословной Дин Тянь доводился ей внучатым племянником и звал её седьмой тетушкой, — заметив, какими порциями госпожа Дин Лю швыряет мясо, осторожно потянула ту за рукав:

— Слушай, Дахэева, вы это чего удумали?

— Да это всё Тянь-эр распорядился! Сказал, полкабана пустить на обед, чтобы все досыта наелись, — госпожа Дин Лю, обычно прижимистая, сейчас так и лучилась щедростью. — У нашего Тянь-эра золотое сердце. Вы ведь не знаете: он заколол двух свиней и сразу отрезал по четвертине нам и семье второй невестки. Говорит, дядюшек пожалел, да братишек с сестрёнками побаловать захотел.

Третья тетя прекрасно понимала: коли делишься добром, нечего скромничать и прятать мясо на дне чашки. Пусть вся деревня знает, какой Тянь-эр заботливый и щедрый. Едят его угощение — так пускай помнят его доброту.

От такого хвастовства у помогавших по хозяйству баб аж слюнки потекли от зависти.

— Что и говорить, сын Дахая! Такой же великодушный и честный вырос!

— И то правда. Дахай в своё время ради мальчишки мачеху в дом брать не стал, всю жизнь на него положил... Эх, бог даст, воздастся парню за все горести. А девка из семьи Чэнь просто своего счастья не разглядела, глупая.

— Ну и к чему ты сейчас эту девицу Чэнь помянула? — недовольно оборвала её госпожа Дин Лю. — Наш Тянь-эр теперь при должности, в уездной управе главным тюремщиком служит, на казённых харчах сидит! Стоило ли из-за дуры сокрушаться?

За кухонными хлопотами да бабьей болтовней время пролетело незаметно. Вскоре по двору поползли такие ароматы, что у любого бы живот подвёл.

К полудню мужики потянулись с полей. Вместе с ними к дому Дин Тяня повалили деревенские старики и детвора.

Дин Тянь лично встречал односельчан у ворот. На кухне заправляли тётушки, гостей в доме развлекали дядя. Младшие кузены взяли на себя заботу о подрастающих сорванцах, а кухня приглядывала за совсем крошечными младенцами и девочками.

Весной, когда старый урожай уже закончился, а новый ещё не поспел, изысканных яств ждать не приходилось. Но ломившиеся от еды столы и без того привели всех в восторг.

Главенствовала, конечно, тушёная с жирной грудинкой кислая капуста — сочные ломти свинины так и таяли во рту. Рядом исходили паром аккуратные кружочки кровянки, а на больших тарелках высилась обжаренная с сухим чили требуха вперемешку с сушёными овощами.

В центр каждого стола водрузили по огромному блюду отварной свинины, нарезанной широкими пластами. Её полагалось макать в ароматную чесночную кашицу.

Все четыре блюда — сплошное мясо, да какое сытное! Настоящий пир.

Под конец подали по глубокой миске яичной похлебки, сваренной на крепком костном бульоне, по поверхности которого плавали аппетитные янтарные кружочки жира.

На почётном месте на кане сидел почтенный староста трех деревень, дядя Юн. Глядя на лоснящиеся от жира блюда и пышные пшенично-кукурузные пампушки, он лишь покачал головой и обратился ко второму дяде, Дин Дацзяну:

— Слышь, Дацзян, а не слишком ли это роскошно? Даже на Новый год не всегда так столы ломаются!

— Дядя Юн, так ведь Тянь-эр от чистого сердца угощает, — Дин Дацзян почтительно поднес старосте отдельную пиалу с исходящей паром кровянкой. — Знаем, как вы её любите, вот племянник лично для вас и приберёт. А как расходиться станем, он вам ещё парочку кругов с

собой завернёт, дома в охотку полакомитесь.

Остальные односельчане поначалу робели не меньше старосты. Но прознав, что Дин Тянь не поскупился на целых полтуши кабана, принялись наперебой хвалить молодого хозяина, после чего дружно принялись за еду.

Сам Дин Тянь жирную пищу не жаловал, но прекрасно знал вкусы местных. Весь день он крутился среди гостей, следя, чтобы никто не ушел голодным. Лишь к вечеру, когда последние односельчане разошлись по домам, а посуда была перемыта, он наконец-то сел за стол вместе с родными.

Днем он перехватил лишь немного тушёной капусты — бульон и без того лоснился от жира, так что от кусков сала Тянь-эр сразу отказался: желудок бы просто не выдержал.

Но ужин получился — пальчики оближешь.

Сытно поужинав пышными пампушками, Дин Тянь наконец-то смог выдохнуть в тишине. Устраивать такой пир было делом хлопотным, благо по деревенскому обычаю все пришли со своими чашками да палочками. В деревнях всегда так праздновали: ни одна семья не держала дома горы посуды на три десятка ртов. Своими у хозяев были только общие котлы и глубокие блюда под нарезку.

Задумка Дин Тяня сработала безупречно. Стоило односельчанам набить животы дармовой свининой, как пересуды о расторгнутой помолвке утихли сами собой. Да и зависть к его новой должности главного тюремщика испарилась без следа.

Даже ядовитая четвертая тетушка попридержала свой злой язык. На пир она явилась не одна, а притащила всё свое семейство. Её дочка Сяоде уплела за обе щеки две огромные пампушки, так что у девчонки весь рот лоснился от жира.

Вот уж поистине: сытому брюху чужая слава не в обиду, а дареный кусок рот закрывает лучше любого замка.

<http://bllate.org/book/19387/1997438>